

ВИДЫ ИРОНИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ

В русском паремическом фонде имеются классические образцы иронической номинации: *У того голубочка остры зубочки*; *Злые люди доброго человека в чужой клетке поймали*; *Худые люди молотить, а хорошие замки колотить*; иронического обращения: *Милый, поди-ка ты мимо*; *Душенька, женушка, устала молотя*; *отдохни, потолки*; иронического императива: *Верь волчьим слезам!*; *Спи да лежи, да богатства жди! Царь денежки пришлет, а не пришлет, и нас не сыщет*; иронического сравнения: *Мил ему, как порох в глазу*; *Люблю, как черта в углу* и др.

Наиболее типичными и частотными являются иронические паремии, в которых контрастируют две части высказывания, которые можно назвать иронической антитезой: *Хмельного в рот не берёт, а на своих ногах шатается*; *Детина добр, купил бы ему гроб*; *Живём хорошо: горя у соседей не занимаем*; *Сделал дело: надел на свинью хомут*; *На дворе много скота: три собаки, два кота* и др.

Важной особенностью иронической антитезы является семантическая двуплановость, позволяющая одновременно воспринимать один фонетический комплекс в двух значениях. С одной стороны, поясняющая часть контекста со всей определенностью устанавливает, что известное слово в поясняемой части не выражает свойственного ему узуального значения, а фактически является экспрессивно-ироническим омонимом нейтральной языковой единицы. Так, при дескриптивном развертывании иронических характеристик очевидно, что слово *добровольно* выражает значение 'насиленно', *радость* – 'горе, печаль', лексема *с приданым* – 'без приданого': *Получил (взял) добровольно, наступя на горло*; *На старости две радости: один сын – вор, другой – пьяница*; *Невеста с приданым: у рук, у ног пальцев по две дюжины без мала, только четырех не достало* (двадцать пальцев – вот и все приданое).

С другой стороны, значение, присущее фонетическому слову при его обычном, нейтральном употреблении, также является релевантным; оно формирует основу предсказуемости семантики последующих элементов текста, нарушение которой создает комический эффект. Именно на этом уровне восприятия проявляется смысловая контрастность частей высказывания по алогичному типу, противоречивой несообразности двух содержательно-логических планов, которая разрешается путем ретроспективного переосмысления ключевого слова и декодирования его иронической сущности. Как известно, существо смеха связано с раздвоением: «Смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую "тень" действительности, раскалывает эту действительность» [Лихачев 1984: 35].

Самой распространенной синтаксической структурой иронической антитезы в русской паремике является бессоюзное сложное предложение с объяснительным значением: *Живем хорошо: горя у соседей не занимаем*. Для бессоюзных предложений с семантикой уточняющего пояснения характерно, что его части по-разному сообщают об одном и том же: первая часть содержит

более общее сообщение (часто неразвернутое), а вторая – более конкретное (часто более полное) [Современный 1989: 769-770]. Узуальные характеристики данной синтаксической единицы последовательно реализуются и в иронических высказываниях, для которых также наиболее типичным является такое структурно-семантическое соотношение частей предложения, когда вторая часть содержит разъяснение, раскрытие, обоснование содержания первой, при этом она нередко является более развернутой и многословной, чем первая: *Живу не хуже людей: за нуждой в люди не хожу – своей доволен*.

Находящееся в первой части ключевое экспрессивно-ироническое слово (словосочетание) используется для сообщения аксиологического итога, характеризует предмет, явление, действие. Оно представляет собой общеоценочные предикаты (*хорошо, добрый, худой*), качественные прилагательные и наречия (*мелкий, богатый, крепко*), в том числе частнооценочные (*умный, честный, приятный*), соотносительные с ними существительные и глаголы (*красавец, болеть, похудеть*), субстантивы, значения которых включают в себя нормативное суждение о ценности как объективное содержание (*краса, радость, горе*): *Хорош город Питер, бока повытер; Умен, как поп Семен: книги продал да карты купил; Заживно живет: и голодной собаки выманить нечем; Недомогает – девятой хлеб доедает; У нашего старосты три радости: корова пала, изба сгорела да жена померла*. Кроме того, имеются отдельные примеры иронического осмысления конкретной предметной лексики (*подарок*), наименования лица по его социальному статусу, профессии и т.п. (*княгиня*): *Подарок – свечи огарок; Идет княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина*.

Вербально-смысловый код второй, поясняющей, части предложения отрицает эксплицитное значение первой, тем самым указывая на мнимость названного в ней свойства, качества, действия. Характерно, что при смысловом развертывании привлекается, как правило, конкретная неоценочная лексика, очень редко используются обще- и частнооценочные лексемы, практически не употребляются абстрактные слова с отвлеченно-абстрактным содержанием. Использование конкретного описания при фактической характеристике объекта, действия способствует наглядности, образности аргументации, создает живописную картинку, вступающую в противоречие с сопряженной с ней рациональной квалификацией. Так, в поговорке *Всё наготове: сани в Казани, хомут на базаре* эксплицитное фактическое положение вещей производится посредством лексики конкретной семантики, вызывающей опредмеченное, овеществленное представление ситуации 'ничего не готово'. Это конкретно-образное представление, соответствующее чувственной ступени познания, формирует эмоциональность высказывания, в котором все слова нейтральны в этом плане.

В русском поговорочном пространстве достаточно распространенным видом иронии являются иронические сравнения, в числе которых как адъективные сравнения: *Противна как нищему гривна*, так и глагольные: *Знает вкус (толк), как свинья в апельсинах*. Полагаем, что их отдельный анализ не актуален для решения задач данной работы, т.к. механизм иронии

аналогичен для обоих подвидов. Кроме того значение большинства глагольных форм содержит качественные семы, а прилагательные используются преимущественно в краткой, предикативной, форме. В пользу совместного анализа адъективных и глагольных иронических сравнений говорит также наличие вариантов, близких по семантике, способам импликации иронического смысла и, нередко, образа: *Похожа, как вилка на бутылку – Походит, как гвоздь на панихиду*; *Поворотлив, что гиря – Поворачивается, как исподний жернов*; *Лады, что у кошки с собакой – Дружат, как кошка с собакой*.

Как правило, выделяют 3 основных компонента сравнения. Однако будучи переменным, первый компарат (объект сравнения) не входит в состав устойчивого сочетания. Поэтому структура иронического сравнения представляет собой аспект (признак) сравнения, соединенный посредством союзов *как, что* со вторым компаратом – эталоном (стандартом) сравнения. Импликация иронической оценки, всегда относящейся к аспекту сравнения, создается содержательно-логическим контрастом эксплицитных знаковых значений аспекта и эталона сравнения. Относительно эталона сравнения напомним, что «именительный падеж сравнительного оборота является не носителем, а выразителем признака» и «как образное определение служит для обозначения того или другого качества-свойства определяемого предмета» [Руднев 1963: 5].

Рассмотрим, например, ироническое сравнение *Поворотлив, что колода*. Словом *колода* обозначается лежащее толстое дерево, бревно, признак неподвижности входит в содержательное ядро (интенционал) его лексического значения, а *поворотливым* называется «человек скорый, проворный, живой и деятельный, расторопный» либо «предмет, удобный для поворотов» (СД-3,146), т.е. нечто, обладающее признаком подвижности, способностью к движению. Таким образом, признак сравнения (*поворотливый*) и признак эталона сравнения (*неподвижный*) в узусе находятся в несовместимом конфликте, взаимоотрицают друг друга. Более того, опорное слово *колода* обычно служит стандартным сравнения для противоположного признака *Неповоротлив, как колода*. Поэтому стандарт сравнения в составе иронической поговорки можно квалифицировать как анти-стандарт, анти-эталон избранного аспекта сравнения, или же наоборот, аспект иронического сравнения рассматривать как признак обозначенного эталона сравнения. Представляется, что справедливы оба понимания, т.к. они отражают различные подходы – с позиций адресанта либо адресата речи.

Иронические сравнения организованы аналогично общеязыковым сравнениям, которые являются «своего рода устойчивыми культурно-языковыми штампами, но в аспекте лексико-синтаксической организации языка они выступают как свободные сочетания, поскольку на сочетаемость подобного рода не налагается никаких внутриязыковых ограничений» [Телия 1972: 458]. В иронических сравнениях в качестве стандарта сравнения привлекается обладающая большим образным потенциалом конкретная лексика, обозначения реалий повседневного быта. Многопризнаковость (дескриптивность) идентифицирующей лексики способствует вариативности аспектов сравнения

при одном и том же образе-этalone как в общеязыковых сравнениях (*грязный как свинья, неблагодарный как свинья, пьяный как свинья, напиться как свинья, чавкать как свинья* и др.), так и в иронических: *Хорош, как свинья в дождь* (Ср.: *Свинья найдет грязь!*); *Красива, как свинья сива*; *Благородный, как свинья огородна* – ср.: *Волк не пастух, а свинья не огородник*.

С другой стороны, серийность общеязыковых сравнений (синонимический ряд) создается вариативностью образов, избираемых на роль эталона сравнения: *белый как бумага, как мел, как полотно, как снег*. Аналогичным образом обстоит дело и в кругу иронических сравнений. Так, в серии сравнений, имплицитующих ироническую оценку по поводу необходимости чего-либо, используются самые разнообразные образцы ненужных предметов, которые можно свести к следующим структурно-семантическим моделям:

1) предмет, бесполезный для субъекта, лишенного качеств, необходимых при использовании данного предмета: *Нужен, как слепому зеркало; Нужен, как беззубому орех; Нужен, как корове седло*;

2) предмет, портящий качество другого предмета: *Нужен, как бельмо в очи; Нужен, как гвоздь в сапоге*;

3) предмет, ставший ненужным по истечению какого-либо времени, после завершения событий: *Нужен, как прошлогодний снег; Нужен, как горчица после ужина*;

4) лишняя деталь, часть чего-либо: *Нужен, как пятая нога собаке; Нужен, как пятое колесо в телеге*.

В качестве стандарта сравнения в иронических паремиях используются эталоны с двумя видами признаков: сущностными и характерными. Эталоны с сущностным признаком, то есть отражающим сущность избранного стандарта, присущим ему всегда, представлены, например, в серии вариантов *Прям, что кочерга; Прям, что клюка; Прямо, как дуга*. Признак кривизны является необходимым, отражающим саму сущность и дуги, и кочерги, и клюки, «крючка с кривым изгибом» (Даль-2,272). Отметим, что данные иронические паремии относятся не только к внешнему виду, но и внутренним качествам, поступкам: не только *Прям, как дуга*, но и *Прав, как дуга*.

Активно эксплуатируются в иронических паремиях и эталоны сравнения с характерными признаками, отражающими преувеличенную значимость для формируемого в социуме образа объекта, например: *Ласков, что мачеха до пасынка; Люб, что свекровин кулак; Беседлив, как тюлень*.

Итак, в ироническом сравнении имеет место содержательно-логический контраст между знаковым значением аспекта сравнения и сущностным или характерным признаком эталона сравнения, который имплицитует отрицание денотативного содержания обозначенного аспекта сравнения и тем самым ироническую коннотацию самого сравнения.

Своеобразный характер иронического отрицания выражается императивом: *Бывайте почаще, без вас веселее; Приходи, брат в гости: у соседа больно пиво хорошо; Посиди, все равно тебе здесь делать нечего; Посиди, вот твоя шапка и палка* и т.п. Д.Н.Шмелев вслед за А.М.Пешковским

называет выражаемое им значение шутливым или ироническим побуждением и связывает его с формами повелительного наклонения несовершенного вида [Шмелев 1958: 71]. Это ограничение справедливо для конструкций, получивших значение фразеологических схем (*Ври больше! Шутите, шутите!* и т.п.), но недействительно для иронической антитезы (*посиди* – глагол совершенного вида), в которой иронический смысл императивов проявляется не только и не столько интонацией, сколько контрастно-алогичным сочетанием частей. Семантика предложения, сопряженного с императивным, определяет значение отрицательной оценки действия, осложненной различными оттенками иронического побуждения: *без вас веселее* – нежелательность действия или, по крайней мере, его частотности; *у соседа пиво хорошо* – ограничение объектов, на которые допустимо распространение действия (приходи в гости, но не ко мне); *тебе здесь делать нечего, вот твоя шапка и палка* – фактическое побуждение к другому действию (уйди!). Не зависит ироническое побуждение и от расположения контрастирующих частей: *Сватушка, вот тебе шапка и рукавицы: посиди пожалуйста*.

В ряде иронических высказываний во второй части предъявляются какие-либо ограничения, которые низводят на нет провозглашенное в первой части качество. Так, в роли ограничителя выступает модальная частица *только*, которая выражает отношение автора, а потому подчеркивает иронию, скрытую позицию автора: *Человек он умный, только мало смыслит; Похожа свинья на быка, только шерсть немного не така; Лошадь совсем готова, только хомут надеть; Куряне – те же дворяне, только сено в бороде*. Благодаря диминутивному оператору *только* возможно даже имплицитное выражение качества, вызвавшего ироническую оценку: *Все люди толстые, только я сирота не пролезу в ворота*. Здесь выделительная частица позволила вынести за скобки ироническое ‘худой’.

Ограничение времени проявления какого-либо качества также способно полностью опровергнуть его суть. Так, о докучливом, назойливом человеке с иронией говорится *Его милее нет, когда он уйдет*, о человеке беспокойном, буйного нрава: *Смирен, когда спит*, о любителе приврать: *Он завсё правду говорит, когда не лжет* (здесь пересекаются две линии иронического напряжения *правдив – лжив, всегда – иногда*).

Отметим попутно, что контрастность оценок двух частей высказывания имплицитно ироническую коннотацию и в сослагательном наклонении: *Хорошо бы, кабы не было так худо; Совсем бы умный человек, кабы не такой дурак; Он бы человек и очень хороший, да никуда не годится*.

Своеобразный вид иронии представляют поговорки, построенные на фразеологизированной синтаксической основе – сложноподчиненном предложении с отношениями временной обусловленности при участии двухместной союзно-союзной скрепы *как ..., так и*: *Как печь топить, так и дрова рубить; Как в пир идти, так и голову чесать; Как в церковь идти, так и заплаты чинить; Как в поле ехать, так и овсянку заваривать; Как на охоту ехать, так и собак кормить*. «Расхождение между значением предложения и значением высказывания в данном случае сводится к противоречию того, что

имеет место (приуроченность вынужденной ситуации к моменту событий, следовательно, осуществление действия нерегулярно, "от случая к случаю"), с тем, что должно быть и что отвечает принятым в данном коллективе нормам» [Оркина 1998: 283]. Добавим, что данный смысл выражается также и при помощи более древних вариантов скрепы *когда ... , так и; ... , так (и): Когда в церковь идти, так и заплаты чинить; Когда в пир ехать, так и борода брить; Когда в поле ехать, так и овсянку заваривать; Когда на полешню бежать (на охоту ехать), тогда и собак кормить; На охоту ехать, так собак кормить.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси.- Л.: Наука, 1984. – 295 с.
2. Оркина Л.Н. Временная обусловленность фразеологизированных иронических высказываний // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 282-284.
3. Руднев А.Г. Обособленные сравнительные обороты, принципы их разграничения от неполных сравнительных предложений // Материалы конференций Северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. 1960-61. – Л., 1963.
4. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Под ред. В.А.Белашапковой. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: ВШ, 1989.– 800 с.
5. Телия В.Н. Фразеология. Несвободные речевые единицы // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.
6. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания.- 1958.– №6. – С. 38-42.